

Илья Куликов

МАЛЮТА

Часть 2

18+

Илья Куликов
Малюта. Часть 2

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Куликов И. Ф.

Малюта. Часть 2 / И. Ф. Куликов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-99311-2

Стоны, плач, ужас... В тяжелые времена - свои герои, свои правила, свои законы. С большим трудом собранную Русь бояре хотят растащить по кусочкам, однако на их пути - царь Иван Грозный и его верный пес Григорий Скуратов. Он без всякой жалости готов выжигать измену и казнить предателей, особо не задумываясь, насколько те виновны. Пути назад не будет. Россия останется единой, даже если в Александровской слободе тысячи умрут под пытками. Вторая часть романа.

ISBN 978-5-532-99311-2

© Куликов И. Ф., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 11	5
Глава 12	10
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Илья Куликов

Малюта. Часть 2

Глава 11

Князь Иван Фёдорович Мстиславский был человеком жёстким и на всем белом свете любил только одного человека – себя. Когда отцу его супруги князю Александру Горбатову-Шуйскому отсекали голову, Мстиславский сразу перестал общаться с женой Ириной и всячески убеждал её отречься от земного и удалиться в монастырь. Когда та отказалась, то он попросту отравил её и почти сразу женился на дочери князя Владимира Воротынского – красавице Анастасии.

Впрочем, в женщине его интересовала вовсе не красота, а то, насколько он может усилиться, воспользовавшись влиянием её родственников. Для плотских потех Иван Фёдорович всегда находил себе дев из простого народа.

С учреждением опричнины князь Иван Мстиславский попробовал занять там достойное место, но государь не принял его, а поставил земским боярином. Вскоре князь Мстиславский понял, что это даже лучше, и серебро рекой потекло ему в руки. Он без зазрения совести крал из государственной казны, так как считал её своей. Если государь выделял деньги на войско, то едва ли пятая часть доходила до ратников, зато под Тулой князь возводил себе настоящий дворец.

Иван Фёдорович любил вкусно поесть и щедро кормил по пять десятков верных ему людей, постоянно приглашая к себе множество гостей.

Вместе с князем Иваном Дмитриевичем Бельским, ещё более бесстыжим и состоятельным, чем он, князь Мстиславский делил обильную трапезу у себя в палатах, которые по великолепию уступали разве что государевым. Оба боярина настолько были богаты и сильны, что открыто могли хулить царя за столом, совсем не боясь, что кто-нибудь донесёт об этом.

– Скажи мне, Иван Дмитриевич, – вытирая жирные губы белоснежным полотенцем, проговорил князь Мстиславский, – а ведь как-то само получается, что не может Россия быть единой. Да и никогда не была. Напрасно из Москвы её столько лет собирали. Вот сейчас – два царства, одно наше с тобой, а другое Ваньки-царя. Вот скажи мне, любезный, ну зачем нам ему кланяться? Поделили всё и будет. Русью четыре Ивана правят: я, ты, Фёдоров да Иван-дурак.

– Тебе что, Иван Фёдорович, живётся плохо? Ванька-царь, пока в слободе живёт, сильно нам не мешает, а делить – здесь нужно сперва умом пораскинуть. Коли Россия и впрямь на несколько частей распадётся, то народ начнёт стонать. Хотя по правде говоря, народ наш всегда чего-то хочет. Тут от короля Жигимонта ко мне на днях посланник приехал. Потолковал я с ним. Король зовёт нас к себе и обещает власть удельных князей.

Князь Милославский рассмеялся и принялся отрезать большой кусок гуся.

– Удельными князьями нам предлагает быть! Глупый этот Жигимонт. Да мы великими князьями скоро станем! Пусть Ванька-царь в Александровской слободе царствует, а мы всей остальной Россией владеть будем. Вот если бы Жигимонт нам военную помощь против царя Ивана оказал, то другое дело, а он ведь с ним замирился хочет, а Ливонию поделить так, как она сейчас занята войсками.

– А чего – нужно ему грамоту написать и прямо сказать: коли поможет нам против Ваньки-царя, то мы ему Ливонию отдадим. Русь поделим между всеми князьями и боярами, а царь нам даром не надобен. Да и, по большому счёту, никто его царём-то в мире и не считает. Сам себя царём нарёк, а по правде говоря, как был великим князем Московским, так им и остался, – сказал князь Бельский.

– А царь Иван, чтобы доказать своё право на титул, выдумал, что род Рюрика идёт от самого Августа – императора Римского. Говорит, что Прусс был братом Августа и каким-то прадедом самого Рюрика. Все смеются над этим.

– Смеются-то смеются, да народ наш русский его царём именует.

– Да пусть как хотят именуют, – усмехнулся Мстиславский, – это всё пустое. Грамоту к королю напишем. Если согласится признать нас великими князьями и ни от кого не зависящими, то мы ему против царя Ивана верные друзья. А уж если нет, то мы и так неплохо сидим. Настанет день – Ванька-царь издохнет, как пёс бешеный. Вот с его сыновьями и договоримся. Мне тут его сын Иван писал, что после смерти своего отца Русь к старым временам вернётся: Москва станет общим городом, а каждый князь будет в своей вотчине править.

– Да, Иван Иванович будет хорошим великим князем. Он понимает, что родовитость не исчезнет. Это отец его, бешеный паскудник, хочет нас, князей, со служивым людом сравнивать. Это бабка Ивана-дурака, София Палеолог, чужие обычаи к нам на Русь принесла. В Греческом царстве так было – все в холопах у тамошнего царя ползали. А у нас на Руси всегда иначе дела велись. Кто у него в ближниках? Грязной-псарь! Скуратов! Да он ката к себе приблизил, а тебе и мне рядом с ним места не нашлось. Ничего – и без него прожили.

– Молод ещё царь, чтобы помирать. Тридцать семь лет всего.

– А что – молодые не помирают? Ещё как помирают! Мы с тобой, – подмигнул Ивану Фёдоровичу князь Бельский, – в любом случае в накладе не останемся. Или пусть вон остаётся, дадим ему в удел Александровскую слободу. Пусть там монашествоует со своим сбродом, только жену и блудниц своих пусть прогонит. Не подобает быть и князем, и игуменом. Вон, пусть боярин Фёдоров Иван Петрович его землями правит, покуда княжич Иван Иванович в возраст не войдёт.

– Да Фёдоров хоть и стар, да алчен. Как бы он сам себя царём не нарёк, став править Ивановыми землями.

– В своих землях каждый именовать себя может, как ему вздумается. Хоть царём, хоть псарём!

Оба князя задумались. Конечно же, говорить крамолу – одно, а совсем иное – помыслы свои в жизнь воплотить. Впрочем, в этот раз они зашли слишком далеко и останавливаться не хотели.

После трапезы князья составили грамоту к королю Жигимонту, в которой предлагали разделить Русь, а ему отдать всю Ливонию, если, конечно, он не будет пытаться заставить их подчиниться, а дозволит жить по старине. На всякий случай хитрые бояре сами грамоту не писали, заставив сделать это одного из гостей – дворянина Якова Жилецкого. Всё же побаивались князья, что если этот свиток угодит в руки царю Ивану, то тот их и головы лишить может. А так всегда отпереться можно, мол, кто писал её, с того и спрашивай. Отвезти её в Литву доверили этому же Якову.

В Александровской слободе пиры сменялись строгим постом и днями молитвы.

Как-то раз государь Иван Васильевич, как обычно, закончил чтения Псалтыря и все опричники прекратили трапезу.

– Не вели казнить, царь-батюшка, позволь мне тебе слово молвить, молю тя, – сказал Григорий Лукьянович, поднимаясь со своего места.

Царь обычно сам выбирал, с кем разделит трапезу после того, как братия разойдётся, и оттого все с большим интересом смотрели на то, как поступит государь.

– Что ж, Малюта, ты по-пустому рот не открываешь. Остаься, поделишь со мной трапезу. Ты, Алексей Басманов, и ты, Васютка Грязной, тоже оставайтесь. Вместе послушаем, что брат Малюта скажет.

Государь сел за стол, и его келарь князь Вяземский стал подавать ему пищу. Иван Васильевич принялся есть, делая знак Скуратову, чтобы тот начинал говорить.

– Государь, казаки на границе с Литвой поймали дворянина Якова Жилецкого. Пытался к Жигимонту перебраться, – не спеша начал рассказывать Григорий Лукьянович.

– Так отсеките ему голову и дело с концом. Нет у меня пощады к изменникам. Завтра он в руки оружие возьмёт, как окаянный Курбский, и будет землю, его взрастившую, грабить и жечь. Много изменников развелось, целыми стаями к Жигимонтке бегут. Туда им и дорога. Кого поймаем – казним, а те, кто убежал, – бес с ними. Я с ними намучился – пусть теперь Жигимонт мучается. Всё им Родина не мила, иноземщина манит – что ж, пусть хлебнут чужбиношки.

– Не в том дело, государь, – продолжил Малюта, – этот человек вёз к королю Жигимонту письма от князей Бельского и Мстиславского. В них описано, как они хотят Русь поделить. Одна беда – письма эти не их рукой писаны и печати так приложены, что и не поймёшь – истинные или подделка. Я его сильно пытал – говорит, что его заставили писать.

– Поделить Русь? – побагровел царь Иван. – Вот до чего додумались. Я им разделю Россию! Я их самих на части поделю!

Алексей Басманов тяжело вздохнул и, поклонившись царю, заговорил:

– Государь, коли сейчас против земских бояр выступишь, то все князья на их сторону встанут. Начнётся на Руси смута, а она только Жигимонту и нужна. Мы будем глотки друг другу рвать, так как князья Мстиславский и Бельский под свою руку всех Гедиминовичей, да и большую часть Рюриковичей соберут, а Жигимонт все наши завоевания себе присвоит, и к тому же ещё и наши исконные земли себе приберёт.

Царь Иван рукой смахнул со стола всю посуду и вскочил на ноги. Все отпрянули от него, кроме Малюты, продолжавшего спокойно сидеть на своём месте.

– И что – простить предлагаешь? Или, может, сделать вид, что я не вижу, как они Россию губят? Да как только царство на мелкие княжества распадётся, то всё погибнет. Жигимонт себе все западные земли заберёт, свейский король – северные, а султан с крымским ханом юг и царства Батыевы – Казань и Астрахань. Всю державу погубить хотят, бесы!

– Если ты начнёшь войну со Мстиславским и Бельским, то так и будет, – поддержал Басманова князь Афанасий Вяземский, – мы будем друг друга сечь, а враги со всех сторон на Россию набросятся.

– Государь, дозвожь мне слово молвить, молю тя! – хриплым голосом произнёс Григорий Лукьянович.

– Ты заплечных дел мастер, – презрительно бросил Алексей Басманов, – и в дела государственные нос свой не суй. Не разберёшься. Ты своё дело хорошо знаешь – вот и знай.

– Кто тебе дал право на своего брата так говорить, – одёрнул Басманова царь, – брат Малюта не глупей тебя будет. Говори!

– Государь, если просто объявить Мстиславского и Бельского твоими врагами, то их и вправду вся Русь поддержит. Богаты князья да бояре, быстро соберут рать. Нужно сделать иначе – они должны перед всеми стать предателями, чтобы к ним в рать никто ни за деньги, ни удали ради не пошёл. К земским боярам – Бельскому, Мстиславскому, Воротыньскому и Фёдорову, наших людей направь. Выряди их в костюмы иноземные и напиши им грамоты, якобы от короля Жигимонта. В них предложи измену да всякие награды наобещай. Если согласятся, то грамоты эти в Москве и во всех городах зачитаем простому люду. Русский народ сам их на куски порвёт. Не против тебя им придётся воевать, а против всей Руси. Сами к тебе на карачках приползут, прося прощения и защиты. В Твери, в Калуге, в Рязани так же, как и в Москве, люди себя уже русскими именуют, и им к удельным временам возвращаться не хочется. Помнят ещё, как горели церкви да как полон толпами в Литву и в Орду гнали.

– А что, – улыбнулся царь, – неглупо говоришь, Малюта. Пожалуй, так и сделаем. Они ведь ждут ответ Жигимонта – будет им ответ.

– А если они все откажутся, но соблазн возымеют? Может, этого человека, который якобы от них грамоты Жигимонту вёз, сам Жигимонт и послал? Может, нет никаких заговоров? Неужто за просто так покароешь их? Подумай сам, государь, ты ведь им соблазн неслыханный предлагаешь. Одно дело быть слугой – иное дело государем. Не искушай их, – проговорил князь Афанасий Вяземский.

– А это тебя искусить можно, потому что ты рода княжеского, – брякнул Васютка Грязной, от которого, как всегда, разило вином, – мне вот предложи быть государем, так я ему в рожу плюну. Один на Руси царь – Иван Васильевич!

Спустя несколько недель в Александровскую слободу прибыли ответы на письма, которые были разосланы боярам от имени короля Жигимонта. Все как один отказывались перейти на службу к королю. Царь Иван Васильевич, сидя на золотом троне, молча слушал их ответы и исподлобья посматривал на Малюту Скуратова и Васютку Грязного. Когда гонец, принёсший ответы бояр, ушёл, царь сжал кулаки и встал со своего места.

– Ну, брат Малюта, что скажешь? – спросил царь Иван Васильевич. – Верны земские бояре русской земле. Видно, дворянин, которого поймали казаки, со страху оговорил достойных людей.

– Может, и так, – согласился Григорий Лукьянович, спокойно смотря в глаза царю Ивану, – да только что-то мне слабо в это верится. Молю ты, государь, не будь слишком доверчивым. Хитры князья Бельский, Мстиславский, Воротынский, и уши у них повсюду. Серебро иногда получше всякой пытки языка раскрывает. Видно, прознали, окаянные, что ты их испытываешь, или кто из братьев-опричников сочувствует им, казнокрадам и губителям отечества. Вот этот Иуда среди нас стоит и своими ушами всё слушает, чтобы потом донести.

Малюта подозрительно посмотрел на князя Вяземского и на Алексея Басманова. Афанасий Вяземский развёл руками и рассмеялся.

– Государь, да к чему нам тебя и дело твоё предавать? Я келарь твой и верно тебе служу. Боярин Фёдоров пишет королю Жигимонту и воеводе его Хоткевичу, что он уже при смерти и нечего ему делать в землях короля. Полки водить он уже не в силах, веселить никого не умеет, плясать по-латинянки не умеет. Говорит, что богат и знатен и от тебя, царь, только милость видел.

Царь с подозрением обвёл взглядом своих ближников. В последнее время ему всё меньше хотелось доверять князю Вяземскому и Алексею Басманову.

– Смотрите – за тридцать серебряников Иуда Христа продал, а вы меня за сколько? Какие все письма складные пришли! Думаете, кто-то вас обласкает лучше меня? Хулите меня за спиной, что заставляю монашескую жизнь вести, а вам по душе только вино пить да имение своё увеличивать? А ты, брат Малюта, говорил, что пёс мой верный. Так что же ты измену не можешь выявить? Кто из моих ближников на самом деле враг мне? Афоня? Может, Васютка, пьяный дурень, язык свой унять не смог? Басманов?

– Могу, государь, да только милостив ты со своими врагами. Вон, князь Иван Мстиславский, никого не боясь, опять из казны деньги похитил, а ты его тронуть не хочешь. Ты Соловецкому монастырю отписал тысячу рублей, чтобы те солеварением занялись, а он её украл. А митрополит Филипп к тебе жаловаться на него не идёт, так как боится, что ты вора обезглавишь и его кровь на нем будет.

– Да как я его обезглавить могу, коли повсюду враги! Они ведь стаей набросятся на меня и раздерут на части. У Мстиславского и Бельского столько холопов, что если они всем им оружие дадут в руки, то и наше опричное войско одолеют. А за кого остальные полки пойдут, и вовсе только гадать остаётся.

– А измену нужно понемногу искоренять. Вон, поговаривают, что старик Иван Фёдоров-Челяднин совсем стыд потерял: в церковь пришёл в царских одеждах и чуть ли не царём себя величает. С него и надо начать, а под пытками он и других назовёт. Если бы враги твои были едины, то разом бросились бы на тебя, но не того они поля ягоды, будут друг от друга отрещиваться, словно от беса. Мстиславский, вон, от тестя своего сразу отрёкся и жену сгубил, чтобы шкуру свою сохранить. Проверяют на прочность тебя бояре, государь. Коли испугаешься их силушки, то совсем распояшутся и уже не воровать серебро начнут, а делить Россию-матушку. Народ с тобой, государь, и он тебе главный заступник. Им, простым труженикам, больше других окаянные враги твои досаждают. Молю тя – услышь меня, пса своего. Не бойся ты проклятых бояр. Когда ты врагов своих казнишь, люди так ликуют, будто ты им хлеб раздаёшь, а всё потому, что всем мерзко оттого, что те, кто родом своим кичится, давно уже всё русское отринули. Выряжены в наряды, которые латиняне носят, да говорить пытаются на их языках. Не великая Россия им нужна, а много маленьких княжеств, где они будут спокойно царями себя именовать.

От слов Малюты царь пришёл в ярость. Ему хотелось прямо сейчас поднять всё опричное войско и выступить на Москву, чтобы одним ударом изжить всех врагов. Но Иван понимал, что если бояре про тайные письма прознали, то про то, что он на них с войском движется, уже через пять часов знать будут и либо сбегут в свои уделы, либо вовсе в Кремле засядут.

– Значит, Фёдоров себя царём уже величает? И что, никто ему, старому безумцу, на место его не указал? – спросил царь, побледнев. – Призовите его сюда. Раз ему хочется править Россией, то пусть на моё место садится. Пусть приходит в царских нарядах. Вот он – трон мой, с которого я Россией правлю. Пусть садится на него.

Глава 12

В начале зимы боярин Иван Петрович Фёдоров-Челяднин вместе с князем Иваном Андреевичем Куракиным-Булгаковым приехали в Александровскую слободу по требованию царя. Старик Фёдоров всячески пытался показать свою храбрость. Временами он, правда, говорил такое, что казалось, будто он давно простился с рассудком. Когда сани Фёдорова-Челяднина остановились перед палатами государя, то он, вылезая из них, отпихнул поспешившего к нему на помощь Васютку Грязного.

– Не лезь, пьяный бес! Без тебя вылезу из саней, – выругался Фёдоров и дерзко посмотрел на государя, который, одетый в черные монашеские одежды, встречал его на крыльце, – привёз меня сюда, чтобы смерти предать? Сначала людишек своих подсылаешь с письмами подложными, а после меня, старика, заставляешь в зиму ехать в твой вертеп?

– Где же ты вертеп тут увидел? – спросил царь у боярина Фёдорова. – Это в Москве у вас вертеп. Говорят, что украли всё, что только можно украсть.

– Как где вертеп? – словно не слыша царя и обводя всё взглядом, сказал Фёдоров. – Вот он вертеп! Ты сам как смеешь в монашеской одежде стоять, когда женат? А люди твои, скоморохи окаянные, все в чёрное выряжены, а к сёдлам собачьи головы приторочили и метлы. Уж не на шабаш ли они сюда летают?

– А ты, боярин, чем браниться, лучше скажи, почему сам одел царские одежды да требуешь к тебе обращаться не иначе, как «государь»? – спросил у Фёдорова Васютка Грязной.

– Изыди, сатана! Не мне, боярину, тебе, псарю, отвечать.

– Я тебя, старый и верный боярин, – с вкрадчивой улыбкой сказал царь, – позвал, чтобы ты мне со мной бремя власти разделил. Я облачился в монашеские одежды и посему буду просто игуменом, а ты, нарядившись в царские, правь теперь.

Князь Иван Андреевич Куракин, близкий друг Фёдорова, приосанился. Будучи человеком глупым и трусливым, он всю дорогу плакался боярину Фёдорову-Челяднину, рассказывая, как боится государя. Но увидев, как дерзко с ним говорит его попутчик и друг, Иван Андреевич решил, что опасность миновала, правда, самому что-то сказать ему было по-прежнему боязно.

Малюта, стоящий чуть поодаль, с усмешкой посмотрел на боярина Фёдорова. Он ожидал, что тот вновь начнёт браниться, желая перед смертью побольше досадить государю, но старик, видно, совсем из ума выжил. Уже давно поговаривали, что Фёдоров не в своём уме, но поначалу в такое верилось с трудом. Видно, не ввали люди. Правда, хоть боярин от старости умом и ослаб, но мощну свою наполнял исправно, смело пользуясь тем, что назначен был царём начальником казённого приказа, то есть ведал царскими ценностями и торговыми делами самого царя. Куда он всё это копит, злобно подумал Малюта, будто на тот свет унести хочет.

– Давно пора тебе наречь нового царя, раз сам не можешь править. Во что ты превратил государство Российское – не уважают теперь ни род знатный, ни серебро. Верные люди твои должны тайком себе награду из казны брать, так как ты, тиран и глупец, не можешь дать им её сам. Хорошо, что добровольно царство отдаёшь, а не то силой забрали бы. Меня умертвил бы – все князья и бояре за меня встали бы, и тогда тебе бы, Иван, места на Руси уже не нашлось бы.

– Ну, царь Иван, – обратился к Фёдорову Иван Васильевич, – иди и садись на моё место. Вы, бояре, идите клянитесь ему в верности, а я останусь простым игуменом.

Фёдоров подошёл к царю и трясущимися от нетерпения руками вырвал из рук государя золотой посох, а затем сорвал с головы чёрную шапку, повертел её в руках и брезгливо бросил на землю.

– Царь Иван, – вновь обратился к Фёдорову Иван Васильевич, – оставь мне только слободу Александровскую, чтобы я с братией мог бы здесь молиться.

– Да забирай! – буркнул Фёдоров и направился напрямиком в царские палаты, а Куракин, удивлённый таким течением дел, чуть ли не вприпрыжку поскакал за ним следом.

Некоторые из опричников не выдержали и рассмеялись. Молча стояли только Басмановы – Алексей и два его сына, Малюта да князь Афанасий Вяземский.

Государь с опричниками не спеша проследовал за боярином Фёдоровым, который тем временем уже уселся на золотом троне, надев на голову царскую шапку и взяв в руки державу.

Князь Куракин, желая проявить рьяность к новому царю, опустился перед ним на колени и громко и торжественно проговорил:

– Клянусь быть верным тебе, царь-батюшка, и верно служить тебе.

– Ты первый, кто поклялся мне служить, а посему жалую тебе сорок тысяч рублей из государственной казны, – торжественным голосом произнёс Фёдоров. Видно было, что он всю жизнь хотел произнести эти слова.

– Щедро новый царь деньги государственные раздаёт, – выругался Малюта, толком не понимая, что происходит.

Неужто и впрямь царь Иван Васильевич решил передать царство этому дураку? Тогда пропала Россия – хоть на меч бросайся. Впрочем, улыбка, которая блуждала на лице у истинного царя, оставляла надежду на то, что всё это потеха.

– Ну! – закричал Иван Васильевич. – Кто ещё на колени перед новым царём станет? Ты, Вяземский, или ты, Басманов? Грязной Васютка?

Опричники боязливо косились на государя, но клясться в верности новому царю не решились.

– Раз ты теперь не царь, то сам сначала поклянись в верности Ивану Петровичу Фёдорову, – сказал Фёдор Басманов, сын Алексея, за что тут же получил от отца удар под дых.

– Замолкни, дурень! Глумится государь, не видишь? – прошипел на ухо скорчившемуся от боли сыну Алексей Басманов.

– Ну чего, царь Иван, – вновь обратился к Фёдорову государь, – давно, наверное, хотел меня на коленях видеть? Хочешь, чтобы я тебе в верности поклялся? Видишь – они все боятся. А скажи, сколько ты мне тысяч из казны дашь? Тыщ тридцать?

– Тебе, игумен, дам пять тысяч на восстановление монастыря и из царской милости позволю тебе иметь жену вопреки церковным канонам.

Малюта не выдержал и отвернулся, чтобы не расхохотаться. Совсем боярин Фёдоров глуп. Не дай Господь дожить до того, когда уже разум твой в могилу просится, а ты всё жив.

– Спасибо тебе, царь, – с лживой улыбкой сказал Иван Васильевич, – а моей братии можно тоже жён иметь? Дозволишь?

Князь Куракин поёжился, увидев эту улыбку на лице царя. А что, если тот не по-настоящему от царства отрётся? Да нет, тут же успокоил себя князь. Если бы не по-настоящему, то разве посох золотой отдал бы и трон свой уступил бы? Всё, новый теперь царь!

– Чего пустое спрашиваешь, – набравшись духу, произнёс Иван Куракин, – не смей, игумен Иван, у царя милость выпрашивать. Он тебе и так Александровскую слободу пожаловал, а тебе всё мало!

Иван Васильевич покивал головой, подошёл к своему трону и низко поклонился новому царю.

– Здрав буде, великий царь земли Русской! Ты принял из рук моих честь, столь тобой желаемую, – проговорил Иван Васильевич, обнажая кинжал, который висел у него на поясе, – но имея власть сделать тебя царём, имею власть и низвергнуть!

Государь с размаху вонзил кинжал в грудь сидящего на золотом троне боярина. Фёдоров повалился на пол, прижимая руку к окровавленным одеждам. В этот же момент в руках опричников появились сабли и они, подбежав к боярину, принялись сечь его на мелкие кусочки.

Царь Иван Васильевич подошёл к Куракину. Тот в страхе прижался к стене и с ужасом смотрел на государя.

– Опоил меня Фёдоров! Волю подчинил! – стал неумело оправдываться князь Куракин. – Никогда я не предал бы тебя в своём уме, государь! Говорю тебе, государь, колдовство всё это! Как убил колдуна, так морок спал!

– А сорок тысяч рублей? Часом, не они тебя обморочили? Малюта, возьми этого человека и допроси его как следует. Выведай, кто против меня крамолу чинит!

Тяжёлая дубовая дверь со скрипом отворилась, и перед князем Иваном Андреевичем Куракиным в свете факела появилась фигура.

– Так потехи ради поклялся в верности государю! Потехи ради! Видел, что всё это шутка, и решил государя позабавить! – закричал что было мочи князь Куракин, бросаясь в ноги вошедшему в камеру Малюте. – Сжался!

Григорий Лукьянович отпихнул ногой князя Куракина и нарочно медленно сел на деревянный стул – единственный находящийся в подвале. На стуле лежала верёвка.

– Чего вешаться не стал, князь, – вежливо поинтересовался Малюта, – боишься в ад угодить?

– Послушай, я очень богат. У меня много денег, да ещё и братья подсобят. Давай я тебе десять тысяч рублей дам за то, что ты меня отпустишь!

– Десять тысяч? – выпучил глаза Малюта и голосом бессребреника произнёс:

– Это и впрямь большие деньги. Знаешь, сколько мне государь пожаловал за всю службу? Триста рублей и терем велел срубить. А ты предлагаешь десять тысяч. Да я в руках столько никогда не держал!

– Вот-вот, – поднимаясь с колен, радостно сказал Куракин, – да на десять тысяч рублей ты в любом царстве себе место найдёшь. Хочешь – королю будешь служить, хочешь – султану. Я сразу понял, что ты человек хороший. За десять тысяч ты две жизни спасёшь – свою и мою. Будешь жить во дворце, а я просто жить.

– Ммм, – словно раздумывая, проговорил Малюта и неторопливо погладил себя по бороде, – а сколько сейчас деревня стоит?

– Бог его знает. Такая, чтобы двора три-четыре – рублей десять-двенадцать. Да на те деньги, что я тебе дам, город купить можно.

Малюта встал со стула и принялся сматывать верёвку, иногда поглядывая на князя Куракина.

– Ну чего? Уговорились? Десять тысяч! Тебе никто столько не предлагал – ведь так? Чего взор отводишь – не предлагали ведь? Заживёшь по-новому, больше не придётся людей мучить.

– А знаешь, князь, я ведь пока ещё не согласился. Всё хорошо в твоих словах, да одно плохо – мне нравится слушать, как такие, как ты, предлагают мне деньги, которые я даже никогда не видел, а я отказываюсь. Ты спросил, предлагали ли мне больше? Предлагали. Окольничий Головин предлагал шестьдесят тысяч. Пётр Ховрин – восемьдесят тысяч. Спросишь, откуда у них такие богатства, и голову сломаешь, а ответа не найдёшь. Молю тя, скажи мне, а откуда у тебя столько денег? У царя их украл? Молю тя, скажи, не утаи от меня.

Князь Иван Куракин изменился в лице. Ему стало настолько жалко самого себя, что он вновь повалился на колени и закричал не своим голосом:

– Но не виновен я! Говорю, потехи ради клялся Фёдорову. Царя потешить хотел, не больше! Смилоствись!

– Кто ещё государю служить не хочет и желает, чтобы Русь вновь на уделы распалась? – спросил Малюта металлическим голосом. – Молю тя, скажи мне!

– Не ведаю! Точней, знаю! Всех назову. Ты меня пощадишь?

– Нет, – отрицательно покачал головой Скуратов и хлопнул в ладоши.

В камеру вошли двое его помощников и, быстро скрутив князя Куракина, поволокли его в комнату, где у любого, кто там оказывался, начинали бежать по телу мурашки. Князя Куракина привязали к столу и всунули ему в рот железную воронку.

– Давай, Кольш, влей в него для начала полведра водицы. Пусть напьётся, – задумчиво сказал Малюта и, подойдя к привязанному князю, похлопал его по животу, – ты умрёшь в жутких мучениях. Пытка водой невыносима. Я буду вливать в тебя воду ведро за ведром, пока твоё брюхо не лопнет. Ты не сможешь не пить её. Подумай о другом – они, те, кого ты покроешь, уже завтра о тебе забудут и будут вкусно жрать, возможно, наследуют твоё богатство, то, что царь не сможет прибрать. Ведь, поди, у тебя, как и у всех, серебро не только в тереме в ларце хранится? Небось, в рост жидам дал, тем, что королю Жигимонту служат и рать его содержат? Только представь, как твои родичи соберутся за столом и начнут проклинать царя Ивана. Брат, или кто там главный охотник до твоих богатств, начнёт молотить кулаком по столу и клясться отомстить. Двое других, те, что получают поменьше, станут хватать его за руки и говорить, что Господь сам отомстит за тебя. А в душе все будут рады получить твои деньги и будут рады тому, что ты помер.

Князь Куракин замычал. Скуратов вынул из его рта воронку и, подняв брови, деловито спросил:

– Ну чего – кого первого назовёшь?

– Князь Ряполовский Дмитрий в сговоре!

– В каком сговоре?

– Да не знаю я, в каком. Царя извести хотят да государство поделить.

Скуратов опять всунул воронку в рот Куракину. Тот попробовал не разжимать рот, но кат несильно ударил его воронкой по зубам.

– Зубы повыбью! Открывай глотку. Ещё полведра водицы лейте, да понемногу, чтобы не захлебнулся.

Куракин принялся мычать, но Скуратов словно не слышал его. Помощник Малюты не спеша принялся вливать воду в воронку, заставляя Куракина её пить. Если тот пытался не глотать её, то он деловито зажимал ему нос, и тогда Иван Андреевич вынужден был проглатывать находящуюся во рту воду, чтобы вздохнуть. Когда он выпил ещё полведра, Малюта вновь вынул из его рта воронку и вопросительно посмотрел на него.

– Ещё кого вспомнил?

– Брат мой Куракин Пётр! А ещё Пётр Щенятьев, Хозяин Тютин, князь Вяземский – все они в сговоре!

– А ты не врёшь? Давай, Кольш, влей-ка в этого свина ещё треть ведра. Пусть под пытками подтвердит. Молю тя, Иван Андреевич, – жалобным голосом проскулил Григорий, – не оговаривай невинных людей! Прошу тебя! Пусть изрыгнёт водицу.

Кольш вынул изо рта Куракина воронку и освободил ему одну руку, а Малюта с силой ударил по округлившемуся животу. Князь стал захлёбываться изрыгаемой водой.

– Молю тя, Иван Андреевич, не возводи напраслину на людей! Молю тя!

– Богом клянусь, они заговор учинили. Прошу, пощади меня! Прошу!

Кольш вновь привязал руку князя Куракина к столу и всунул ему в рот воронку. Малюта кивнул, и помощник опять принялся лить воду.

– А скажи мне, князь, а ты сам в заговоре участвовал? Только не ври мне. Знаю, что участвовал. Ты, кстати, не знаешь, кто на меня засаду учинил, когда я из Москвы возвращался?

– Помилуй! Скажи мне, кто твой враг, я кого угодно обличу! Только перестань меня истязать. Моё брюхо сейчас лопнет!

– Знаю. Вот я освобождаю тебе руку – пиши обличительную грамоту. Сначала на себя, потом на брата, на князя Ряполовского, на Тютина, Щенятьева и конечно же на Вяземского. Чем больше и лучше напишешь, тем дольше тебе не придётся вновь пить водицу.

– А потом?

– Потом вновь страдания. Я же тебе приносил верёвку и оставлял стул. Зачем ты не стал счёты с жизнью сводить? Теперь уже, наверное, понимаешь, что ошибся.

– Помилуй!

Князь Куракин написал двадцать шесть длинных грамот, в которых рассказывал о том, как князья, дворяне и он сам хотели умертвить государя. Князь хотел и дальше писать новые, но Скуратов забрал у него бумагу.

– Ты так скоро и на коня своего напишешь, – усмехнулся Малюта, – хватит, довольно. Перекрестись и готовься к смерти. Влей в него столько воды, сколько он сможет выпить, – сказал Малюта своему помощнику. – Когда напоите его, то немного наклоните стол, чтобы его ненасытное брюхо не дало ему дышать. Эта смерть – одна из самых страшных, князь.

Наступила зима. Метель окрасила всё белым, а жгучий морозец гнал людей прочь со двора поближе к тёплым печам. Впрочем, в воскресные дни в церквях было по-прежнему многолюдно.

Князь Дмитрий Иванович Ряполовский был молодым и крепким мужчиной. Одетый в медвежью шубу, князь вместе со своей супругой Еленой чинно шёл к храму. На паперти он остановился возле нищего и пальцем подозвал его к себе.

– Почему попрошайничаешь? – глядя на одноглазого мужика, спросил князь Дмитрий. – Чего молчишь?

– Мууу, – замычал нищий, раскрывая рот и показывая, что у него нет языка.

Князь рассмеялся и с ухмылкой покачал головой.

– Вот видишь, Еленушка, какой у нас ленивый народ. Ему Господь два глаза дал, а он один потерял и уже руку тянет. На милость надеется, а трудом жить не хочет. Чего мычишь? Язык для труда не нужен – от языка только беда, коли головы нет.

– Димочка, – ласково проговорила княгиня, – не будь с ним строг. Может, татарва проклятая порубила его, может, тати. На вот тебе, любезный, монетку, помолись Господу за князя Дмитрия Ивановича и за меня, Елену Михайловну.

Нищий взял в руку монетку и быстро убрал её в карман. Повернувшись к храму, он перекрестился и промычал, пытаясь таким образом изобразить молитву.

– Вот ведь народ русский! Псы нерадивые. Думаешь, княгиня, он на твою монетку еду купит? Нет, он её пропьёт. А вон смотри, стоит грешница. Дитя на руках держит и брюхо выставила. Все они нарочно вырядились в лохмотья, на жалость давят.

– Князь Дмитрий Иванович! – раздался чей-то громкий голос.

Князь Ряполовский чинно повернулся и побледнел. К церковной оградке подскакали четыре всадника, к сёдлам которых были приторочены мётлы.

– Чем обязан? – стараясь не ронять своего достоинства, спросил князь.

– Государь тебе и супруге твоей повелевает поехать с нами в Александровскую слободу.

– Помолиться хоть можно на дорогу? – дрогнувшим голосом произнёс князь Дмитрий. – Сейчас обедню отстою и поеду с вами.

– Ну помолись, князь, а после в путь.

Князь Дмитрий с ужасом пострел на нищего и, засунув руку в карман, достал оттуда целый кошель денег. Он точно не знал, сколько там было – двадцать рублей или больше, но судорожно стал горстями раздавать деньги.

– Молитесь за меня и за княгиню. Молитесь изо всех сил! На вот тебе, добрая мать, – подходя к беременной женщине, держащей на руках замёрзшего ребёнка, проговорил князь и снял с руки перстень с камнем, – и ты помолись за меня, ибо приблизилось Царствие Небесное.

Едва князь с княгиней вошли в церковь, как повалились на колени и принялись с жаром молиться. Князь Ряполовский не был набожным человеком, но от одной мысли, что царь при-

звал его в Александровскую слободу, ему становилось так страшно, что хотелось провалиться сквозь землю.

Донёс кто-нибудь, подумал князь Рязполовский. Верно, царь хочет спросить за то, почему те две тысячи рублей, что были ему переданы на возведение мостов, он забрал себе. Ничего, Бог милостив. Не станет же царь ему за две тысячи рублей голову рубить! Так – корить будет, может, палкой стукнет. А про семь тысяч, что он осенью вместе с Петром Щенятьевым из казны умыкнул, никто и прознать не мог.

– Господи, помилуй меня грешного, – с жаром говорил князь Рязполовский, – накажи ты доносчика окаянного, что на меня написал царю челобитную. Отведи от меня чашу, которую я не в силах испить.

Рязполовский продолжал перебирать в голове, за что мог бы его покарать царь, и особой вины за собой не находил. Вспомнил, конечно, что год назад с князем Курбским сношался и передал ему через человека весть о том, где и сколько мостов должно быть наведено, а их нет, но это тоже не сильный грех. Мелькнула в голове мысль и о том, что однажды во хмелю князю Ивану Куракину говорил, что саблей посёк бы поганого царя, который совсем их, верных бояр и князей, обездолил. Всю Русь себе забрал, а их со служилыми людьми сравнял.

– За что же нас государь к себе в Александровскую слободу привезти приказал? – со страхом прошептала княгиня. – Оттуда не возвращаются, Димочка. В этой церкви мы с тобой венчались, в этой последний раз и молимся.

– Господь милостив, княгиня. Может, и над нами сжалится. Нет у меня вины перед государем, а коли в чём по неведенью согрешил, так Бог прощать велел. Коли в последний раз видимся, Еленушка, то ты знай – самые лучшие мои дни с тобой были. Помнишь, как мы на тройке по Москве неслись? Как все кланялись нам и шапки снимали?

– Помню, Димочка, помню! И за что же Господь нас с тобой наказывает? Вон, все живут – беды не знают, а нас царь к себе в слободу зовёт, – княгиня указала на беременную женщину, которая с начала богослужения стояла у порога храма, а сейчас поднесла своего ребёнка к иконе, лежащей на аналое, – нужно митрополита просить о заступничестве! Пойду я к той брюхатой, что ты перстень отдал, вон, она в храм пришла. Попрошу её к митрополиту идти и просить за нас. Мы ведь ей считай что благодетели.

Княгиня встала с колен и утёрла слезы. Мягкой походкой она подошла к беременной и ласково погладила по голове её ребёнка.

– Мальчик? Как звать? Нам Господь только дочек посылал. Видно, на нет наш род сходит, голубушка. Ты молись за нас перед Господом. Попрошу я тебя об одном – сходи к митрополиту Филиппу. Он простых людей слушает. Попроси его о нас помолиться. Мы бы сами ходили, да, видно, уже не сможем. Последняя это служба, на которой мы стоим. А коли всё же помилует нас царь, ты, голубушка, к нам приходи. Возьмём и тебя на службу, и сынка твоего, и того, кого ты под сердцем носишь. Мне как раз мамка для доченьки нужна. Мне тебя Бог послал. Долго я искала, чтобы мамка и благочестивой была, и своих детей имела.

На самом деле никакая мамка княгине не требовалось, но уж очень ей хотелось внушить этой нищенке, что если они с супругом останутся живыми, то ей это будет на руку.

Беременная женщина просияла. Взгляд её выражал восторг и преданность. Попасть нянькой к княгине – это всё равно что в рай из ада.

– Андрюшкой его кличем. Матушка-княгиня, прямо сейчас поспешу в Архангельский собор, митрополит там служит. Коли будут гнать, силой прорвусь к нему и скажу, что в беде вы, мои благодетели!

– Помолиться о нас попроси, да сильно не спеши. Подморозило – вон как скользко. У тебя дитя на руках, да и сама ты в тягости, – с благочестивым видом сказала княгиня, а про себя подумала – что ты стоишь, кобыла безродная, беги давай!

То ли нищенка с ребёнком на руках так и не смогла добежать до митрополита, то ли не смогла пробиться к нему, но князь Ряполовский вместе с супругой был вынужден выйти из церкви. Настоятель храма игумен Макарий, неоднократно получавший от князя Ряполовского щедрые пожертвования, вышел проводить к саням своего духовного сына, который к тому же приходился ему троюродным братом.

Опричники, уже замёрзшие, принялись взбираться на коней, а сидящий на козлах бородатый мужик спросил:

– Куда их везти – к кремлёвским подвалам или в слободу?

– В слободу, Петька, – проговорил опричник, надвигая шапку на брови, – залезай, князь, дорога дальняя. А ты, святой отец, тоже с нами хочешь?

– Бесы вы! Человеку после обедни потрапезничать не даёте – в путь повезли, – сердито ответил игумен и тут же ласково обратился к князю и княгине, – вы в дороге Господа молитесь! Я сегодня же к митрополиту пойду и за вас просить стану.

В Александровскую слободу князь Ряполовский вместе с супругой прибыл на следующий день. Смело спрыгнув с саней, князь отпихнул Васютку Грязного, который потешал царя, будучи, как всегда, пьяным и едва держась на ногах.

Иван Васильевич стоял на крыльце и внимательно смотрел на Ряполовского, размышляя, виновен ли князь в заговоре.

– Государь, – снимая шапку и кланяясь царю, произнёс князь Дмитрий, – я прибыл по твоему зову вместе с супругой. Коли на службу позвал, то рад такой чести, а коли к ответу призываешь, то нет у меня перед тобой вины.

Обряженный в черные монашеские одежды царь, опираясь на сучковатую палку, подошёл к князю и брезгливо дотронулся до медвежьей шубы, а затем пощупал лисью шубу княгини.

– Богато наряжен, князь. Тепло, наверное, в шубе?

– Не жалуюсь, государь, – ответил князь, собирая всю волю в кулак и стараясь казаться невозмутимым.

Князь Дмитрий посмотрел на свою супругу, которая также не выдавала своего страха и смело смотрела царю в глаза.

– Поцелуй меня, князь, как Иуда поцеловал Иисуса Христа. Пока ты ехал, мои люди в твоём доме порыскали. Значит, ты с князем Курбским переписку ведёшь. Рассказал ему о том, где мостов нет, а где наведены. А ещё пишешь ему, что в этот год мы наступать на короля не станем, так как у нас в царстве четыре царя враз правят. Старался писать. Сколько раз переписывал грамоту, прежде чем врагу моему отправить? За это он тебя благодарит от всего сердца. Получал такие письма?

– Получал, государь, – поняв, что отпираться бессмысленно, сказал князь Ряполовский, – я писал князю Курбскому, но перед этим в письме просил его никому об этом не рассказывать, а в особенности королю Жигимонту.

Опричники и царь весело рассмеялись. Иван Васильевич, сорвав с князя шапку, схватил его за волосы и собственноручно потащил к подвалам.

– Иуда! Да знаешь ли ты, сколько из-за тебя душ православных погибнет? Иуда!

Князь Ряполовский выпрямился и оттолкнул от себя царя.

– Я род свой веду, как и ты, от князя Рюрика. Не подобает тебе меня за волосы таскать. Хоть ты и великий князь, но терпеть от тебя такого я не буду.

– Я царь твой, помазанник Божий, а ты, Иуда, страну нашу губишь! Хватайте его и змеюку его и тащите их в подвалы. Малюта, – яростно закричал царь, – вызнай всех, кто заговор против меня плетёт.

– И не старайся! Лучше сразу обезглавь. Не доставлю тебе радости, окаянный тиран, своими молениями.

– Супруг мой, – торжественно произнесла княгиня Елена, – встретимся на том свете, сокол мой. Душа моя смерти не боится. Плоть слаба, но впереди нас ждёт вечное блаженство, так как невинно мы проливаем свою кровь.

– Сука! Собачья мать! – закричал царь, хватая княгиню за шею. – Это вы безвинно страдаете? Вы? Да знаешь ли ты, сколько людей погибнет из-за вашей измены? На каждой речке можно было бы врагов встречать и бить. Теперь, если Жигимонт двинется, он будет знать, где есть мосты, а где их нет.

– Не тронь её, чудовище! – крикнул князь Ряполовский и поспешил на помощь супруге, но был скручен подоспевшими опричниками.

– В подвал обоих. Малюта, я хочу, чтобы они страдали. За всё страдали, Иуда и Иродиада!

Малюта подошёл к сидящим в обнимку князю Дмитрию и княгине Елене. Супруги очень замёрзли и сильно дрожали. Шубы с них сняли, а богатые одежды сменили на мешковину.

– Лихо ты с царём разговаривал, – тяжело вздыхая, сказал Малюта, – а скажи, кто ещё с тобой крамолу против государя замышлял? Молю ты, поведай мне. Не себя ради – ради государства Российского.

Князь Ряполовский прижал к себе супругу и ничего не ответил заплочных дел мастеру.

– Молчишь? Понимаю. Тебе холодно? Сейчас здесь станет жарко. Степан, Колыш, вяжите дурня к столбу, чтобы всё видел.

– Супруг мой, – сказала княгиня, пытаясь унять дрожь, – Господь с тобой!

– Господь с нами! – отозвался князь Дмитрий, которого схватили за руки, поволокли к столбу и принялись привязывать.

– А с тобой, княгинюшка, я позабавлюсь, – сказал Малюта, дотрагиваясь до её одежды. Княгиня Елена тотчас попробовала укусить Малюту, и тот отдёргнул руку.

– Во злючка!

– Ты можешь овладеть моим телом, но душой я буду верна только своему мужу!

– Да ты что! Молю ты, выбрось эти мысли из головы. Я женат и люблю свою жену, мне тебя и даром не нужно. Но я подумал, что если ты будешь страдать, твой супруг скорей выдаст государевых врагов.

Сказав это, Малюта резко стукнул княгиню по лицу, ладонью разбив губы, и одним рывком сорвал с неё рубище, в которое та была выряжена.

Княгиня руками прикрыла наготу. Князь Дмитрий сделал безуспешную попытку освободиться и закричал:

– Зверь! Чего ты от неё хочешь? Меня истязай – не её!

– Поучи меня, как кого истязать, – расхохотался Малюта, – вяжите её по рукам и подвешивайте к потолку.

Когда Колыш и Степан подвесили княгиню к крюку, который был вделан в каменный потолок, Малюта подошёл к князю Дмитрию, держа в руке верёвку.

– Ну чего, князь? Молю ты, назови имена врагов государевых. Молю ты, пощади её. Ей придётся страдать! Сильно!

– Дмитрий, – крикнула княгиня, – мне на том свете ангелы венец мученицы поднесут. Не продавай своей души. Не говори ничего!

– Смотри, князь, у тебя хорошая жена. Она и ты – вы умрёте, это само собой, но можно умереть быстро, а можно долго и мучительно. Ты ведь знаешь – ни тебя, ни её на том свете никакой рай не ждёт. Рай – это для тех, кто в этой жизни страдал. А ты вкусно ел, долго спал, какой тебе рай? Для кого-то шубу твою примерить уже блаженство, а сколько ты в этом мире страдал? Первый день! И ты правда думаешь, что за один день страданий попадёшь в рай?

Князь Ряполовский ничего не ответил. Тогда Малюта подошёл к его супруге и, взяв один конец верёвки, а другой протянул между ног княгини и отдал Колышу.

– Еленушка, ведь так тебя зовут? В далёкой стране, Гишпании, кажется, придумали сажать людей на ослов, а к ногам привязывать тяжести. Потом стали сажать на сёдла с шипами, а затем и вовсе на деревянных осликов. Теперь по всему миру этот вид пытки называется Гишпанский осёл. Но я придумал более хороший способ. Достаточно одной верёвки. Свяжи ей ноги, Степан.

Княгиня плюнула в лицо Малюте, а он как ни в чём не бывало вытер плевков с лица.

– Тебя ждёт ад!

Малюта с одним концом верёвки отошёл к одной стене, а Колыш с другим к противоположной.

– Князь, молю тя, скажи мне имена твоих подельников. Ты страдать будешь, супруга твоя страдать будет, а твои друзья ведь не станут.

Малюта и Колыш принялись как будто пилить, перетягивая друг к другу верёвку. Она быстро достигла постыдного места и, судя по жутким крикам Елены, доставила ей нестерпимую боль.

– Дьяволы! Оставьте её! Не смейте! Господом вас прошу!

Между ног у княгини появилась кровь. Князь Дмитрий напрягся, изо всех сил пытаюсь высвободиться, но его попытки были безуспешны.

– Эй, я всех тебе назову, только прекрати её мучить!

– Нет, князь, посмотри пока на неё. Ей пока ещё не сильно больно. Всё равно она помрёт, как, впрочем, и ты. Я ведь тебя сразу просил! Я смиренно молил тебя назвать имена врагов государевых, но ты молчал, потому что ты был горд.

Дмитрий Ряполовский ощутил свою беспомощность. Он полагал, что будет с достоинством сносить удары плетью и не откроет рта, а его заставляли смотреть на то, как в кровь растирают сокровенное место его супруги.

– Малюта, послушай! Немедленно прекрати её истязать. Я все имена тебе скажу. Все, слышишь?

– Я знаю, Дима. Я тебе верю, но мне нравится, когда такие, как твоя жена, страдают. Она никогда не испытывала настоящей боли, ну разве когда рожала.

– Ты что, не слышишь меня? Я хотел убить царя! Задушить его своими руками! Искал удобного случая, а супругу его, татарку Марию, отравить или порубить на части. А ещё я хотел...

– Довольно, Колыш, – сказал Малюта и подошёл к князю Дмитрию, – имена. Скажи мне, кто ещё против государя что замышляет, и скажи мне, кто среди нас Иуда. Кто делит с нами хлеб, а потом вам всё рассказывает.

– Вяземский, князь Афанасий Иванович Вяземский, – проговорил Дмитрий, глядя на супругу, которая по-прежнему истошно орала. Кровь окрасила пол под ней в красное.

– Ещё кто? – грубо спросил Григорий Лукьянович. – Ещё? Имена!

– Тютин Хозяин Юрьевич, Щенятьев!

– А ты мне не врешь? Знаешь, что нужно свои слова под пыткой подтвердить? Может, ты достойных людей оговариваешь.

– Меня истязай!

– И тебя буду истязать, и её! Колыш, бери верёвку.

– Нет! Вы же её убьёте! Я всё солгал! Нет! Меня терзайте!

Малюта тяжело вздохнул и медленно потянул верёвку на себя. Кровь стала стекать на пол тоненькими струйками. Князь Дмитрий кричал, бранился, проклинал, пытался вырваться, но всё было бессмысленно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.